

Борис Михайлович Бим-Бад, Сергей Назипович Гавров

Семья как социокультурный феномен

Мы знаем, что семья представляет собой одну из наиболее древних форм социальной общности людей, более раннюю, чем государство и тем более нация. Именно семья стала первой социальной системой, основанной на естественном разделении труда между мужем и женой, родителями и детьми. Взгляд на семью как на древнейшую форму социальной общности людей, ее первичность в отношении более крупных социокультурных образований, в том числе государства, господствовал далеко не всегда. Так, еще Аристотель писал, что «первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части» [Ямпольский, 2004: 440].

Социальная значимость семьи несомненна, поскольку преимущественно в ее рамках происходит процесс воспроизводства человека, воспитание детей, их социализация и инкультурация, восприятие основ социокультурной традиции, адаптация к локальному (этническому) и национальному сообществу. В процессе исторического развития отношения семьи и общества, с одной стороны, и семьи и личности – с другой, систематически изменялись, прежде всего, в зависимости от характера господствующего в данном обществе способа производства и социокультурных традиций. Семья связана с другими сферами и сторонами общественной жизни весьма

сложной системой связей, идет ли речь о воздействии общества на семейную группу и отдельные аспекты семейных отношений или же о воздействии семьи на общество.

Семья является системообразующей формой человеческой общности, первичной социальной группой общества, основанной на супружеском союзе и родственных связях, т.е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство на основе единого семейного бюджета. Так, известный английский социолог Ч. Кули следующим образом определяет первичную социальную группу. «Под первичными группами я подразумеваю группы, характеризующееся тесными, непосредственными связями (associations) и сотрудничеством. Они первичны в нескольких смыслах, но главным образом из-за того, что являются фундаментом для формирования социальной природы и идеалов индивида» [Кули, 1996: 328].

Но возникает вполне закономерный вопрос, насколько сама семья является частным делом человека, и в какой мере она сама выступает в качестве субъекта общественного воздействия, проводимой государством социокультурной политики? Семья считается частным делом в том смысле, что строго регулируется обычаями родства и брака и не рассматривается как предмет общего интереса... С точки зрения либерального государства семья является публичным институтом, в котором правила брака и развода определяются и регулируются политическими и правовыми нормами. Государство устанавливает налоговый и экономический статус семьи путем определения налогового статуса тех, кто считается ее членами. Не признавая браком однополые союзы, государство также отстаивает определенную концепцию семьи. Таким образом, раз семья рассматривается как институт современного государства, в ней нет ничего «частного».

А Г.Ф. Гегель, рассматривая, что же такое Истинный дух, нравственность (*Der wahre Geist, die Sittlichkeit*), полагает первенство интересов государства в отношении семьи: «Семья – накопительница сил для Государства, собственное действие которого – Война – отрицает Семью, так как убивает ее членов» [Кожев, 2003: 125]. В истории человечества мы постоянно видим воспроизводство отмеченного положения вещей, когда семья выступает создательницей жизни, наращивания витальности общества, умножения его членов, а «мегамашина» государства черпает из этого, как ей кажется, бездонного человеческого резервуара для осуществления своих проектов, войн, завоеваний, великих строек фараонов.

Жизнь семьи протекает как в материальной, так и духовной сферах, именно в ее рамках сменяются поколения людей, в ней человек рождается, именно в ней достигается основное биологическое и социокультурное воспроизводство человека и человечества. Семья, ее формы и функции напрямую зависят как от общественных отношений в целом, так и от достигнутого в то или иное время уровня социокультурного развития общества. Заметим, что более высокий уровень имманентной культуры общества и степень ее институализации предполагает и более высокий уровень культуры семьи.

Изучение семьи и брака является одной из приоритетных задач, которые могут быть решены при помощи социологии. Мы знаем, что главными концептуальными понятиями социологии семьи являются семья, родство и брак. Приведем классическое определение семьи и брака, представленное одним из крупнейших современных английских социологов Э. Гидденсом. Семья – это группа людей, связанных прямыми родственными отношениями, взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми. Родство (родственные узы) – это отношения, возникающие при заключении брака либо являющиеся следствием кровной связи

между лицами (отцы, матери, дети, бабушки, дедушки и т.д.). Брак можно определить как получивший признание и одобрение со стороны общества сексуальный союз двух взрослых лиц.

Но брак возможен не только между мужчиной и женщиной. Известный английский ученый Д.Д. Фрэзер в своей классической работе «Золотая ветвь: Исследование магии и религии» рассказывает о браке человека с деревьями. Если охраняемое им ценой жизни дерево служило воплощением Дианы (что представляется вероятным), жрец мог поклоняться ей не просто как богине, но и обнимать ее как супругу... Даже в эпоху Плиния один благородный римлянин именно так обращался с прекрасной березой в другой священной роще Дианы на Альбанских холмах. Он обнимал и целовал ее, лежал в ее тени и поливал вином ее ствол. Этот римлянин явно принимал дерево за богиню. Обычай вступления в брак с деревьями до сих пор практикуется мужчинами и женщинами в Индии и других восточных странах [Фрэзер, 1986: 16].

Индивиды, вступившие в брак, становятся родственниками друг другу, но их брачные обязательства связывают родственными узами гораздо более широкий круг людей. При заключении брака родители, братья, сестры и другие кровные родственники одной стороны становятся родственниками противоположной стороны [Гидденс, 1999: 362].

Мы рассматриваем трансформацию семьи и динамику семейных отношений на фоне дрящегося уже два с половиной тысячелетия исторического соперничества любви и брака как социальных институтов, в равной мере формирующих интимный союз мужчины и женщины. В первом случае основывающийся на эмоциях и персонифицированном сексуальном влечении (любовь), а во втором – преимущественно на совместном хозяйстве, воспитании детей и законодательных актах, регулирующих брачно-семейные отношения (брак).

Так, А. Шачар, известный социолог, занимающаяся преимущественно рассмотрением сходств и различий национального семейного права, отмечает, что разные религиозные (и национальные) сообщества традиционно используют регулирование браков и разводов таким же образом, как современное государство использует закон о гражданстве: чтобы четко установить, кто относится к коллективу и кто остается вне его. Такую разделительную функцию выполняет семейное право, обозначая в качестве легитимных в правовом отношении только определенные виды браков и рождений, одновременно относя все прочие к категории незаконных [Бенхабиб, 2003: 150].

Это соперничество на протяжении всей истории сопровождалось противостоянием, борьбой с любовью как с чувством, лишь частично регулируемым социокультурной традицией, обычаями, государственной властью и официальной религией.

Мы полагаем, что эволюция семейных отношений во многом совпадает с процессом эмансипации любви и свободы приватной жизни людей, являясь частью длительного исторического процесса становления светской культуры. И речь в частности идет о завоевании принципиальной свободы личности и права на приватную жизнь, не подверженную непрерывному контролю со стороны семьи, общины, власти, церкви и т.п. Кроме того, мы считаем, что основой современного брака в ареале христианской/постхристианской цивилизации становятся не экономические или статусные, а эмоциональные характеристики межличностных отношений.

Для нас важно акцентировать внимание читателя на том обстоятельстве, что семья отнюдь не является раз и навсегда застывшей конструкцией, она, как и общество в целом, находится во власти перманентно ускоряющейся исторической и социокультурной динамики.

Например в современной Германии единство и постоянство понятий «семья», «брак», «родители», «мать», «отец» и т.д. замалчивает и маскирует растущее многообразие положений и обстоятельств, которые за всем этим кроются. Здесь и разведенные отцы, отцы отдельных детей, отцы-одиночки, внебрачные отцы, отцы-иностранцы, отчимы, отцы-безработные, отцы-«домохозяйки», отцы в совместно проживающих группах, отцы «по уикендам», отцы в семьях с работающими женами и т.д. [Бек, 2000: 149-150]. Иными словами, содержательное наполнение всех этих понятий не статично, оно меняется, и наиболее интенсивно эти изменения происходят в ареале христианской/постхристианской цивилизации.

Мы знаем, что изучение семьи и семейных отношений имеет достаточно длительную историю, ведь семья является одним из древнейших социальных институтов. Так, собрав и систематизировав формы родства у разных народов, классик американского эволюционизма Л.Г. Морган выделил следующие стадии развития семьи в истории человечества:

- ❖ кровнородственная семья – первая форма семьи, следующая за состоянием промискуитета и предполагающая брачные отношения между родными и оллатеральными (побочными, двоюродными) братьями и сестрами, но запрещающая браки между родителями и детьми;

- ❖ пуналуальная семья, основывающаяся на групповом браке нескольких сестер с общими мужьями или нескольких братьев с общими женами;

- ❖ парная, или синдиасмическая, семья («без исключительного сожительства»);

- ❖ патриархальная, т.е. полигамная, семья;

- ❖ моногамная семья современного вида.

Предложенная Л.Г. Морганом в книге «Древнее общество» классификация основывалась на большом количестве эмпирических данных, в том числе на родословных, которые он сам составлял в

процессе полевых исследований. В этой классификации Л.Г. Морган выделяет несколько стадий социального развития, каждая из которых характеризуется наличием определенных социальных институтов. С его точки зрения, сохранившиеся сегодня малочисленные туземные общности представляют нам те же стадии развития, через которые много веков назад прошли цивилизованные народы Европы. Л.Г. Морган полагает, что из всех классифицированных форм семьи наиболее устойчивыми и важными были первая, вторая и пятая и что именно они породили основные формы существующих ныне семейных отношений [Морган, 1903: 234-239].

Ряд специалистов, работающих в области социологии семьи, выделяют четыре типа семейных отношений: традиционные; нетрадиционные; эгалитарные; матриархальные. Заметим, что профессиональная карьера обоих супругов способствует установлению в семье эгалитарных отношений.

Великий немецкий философ Г.Ф. Гегель выделяет три типа взаимоотношений внутри Семьи: между Мужчиной и Женщиной, Родителями и Детьми, Братом и Сестрой.

Первый лишен человечности: взаимное «признание» Мужчины и Женщины носит чисто природный характер (животная сексуальность). Людьюми их делают только воспитание ребенка и общий труд (семейное достояние).

Несовершенство взаимоотношений второго типа: отец испытывает *Rührung* /умиление/, видя, как развивается сознание ребенка, а ребенок видит, что получает свое «в себе» («натуру», «характер») от сознания исчезающего, и иного, нежели его собственное.

Третий тип: взаимоотношения Брата и Сестры. У них – одна и та же кровь, но они не вожделяют друг друга (во всяком случае, они превосходят Вожделение, отрицают его, чем и объясняется подлинно человеческий характер их взаимоотношений). Сестра как таковая в

высшей мере предвосхищает нравственное сознание: в лице сестры семейное существование достигает своей вершины, по сравнению с остальными членами семьи в ней меньше всего «природного» [Кожев, 2003: 125].

Мы знаем, что семейные отношения могут быть как преимущественно индивидуальными, так и групповыми, в том числе между родителями и детьми или между супружескими парами в патриархальных семьях. Под структурой семьи понимается совокупность отношений между ее членами, включая помимо отношений родства и систему духовных, нравственных отношений, в том числе отношений к власти, авторитета, семьи делятся на авторитарные (патриархальные) и демократические (эгалитарные). Сегодня эгалитарные семьи в большей или меньшей степени нормативны для стран Европы, Северной Америки, вообще в ареале христианской/постхристианской цивилизации.

Сегодня существуют следующие общие принципы выделения типов семейной организации. В зависимости от формы брака различают моно- и полигамию. В моногамной семье на одного мужчину приходится одна жена, в отличие от полигамии, которая часто трактуется как многоженство. В зависимости от структуры родственных связей выделяют различные типы семей. Сегодня наиболее распространенным типом в ареале христианской/постхристианской цивилизации является простая (нуклеарная) семья, представляющая собой супружескую пару с детьми, не состоящими в браке.

Расширенную (сложную) структуру семья приобретает в случае, когда кто-то из детей вступает в брак. Она может включать в себя несколько поколений и нуклеарных семей, живущих вместе и ведущих общее хозяйство. Для типологии семей, в частности нуклеарных, важно наличие обоих супругов, образующих основу семьи. В зависимости от этого выделяют полную семью с обоими супругами и неполную, с отсутствием одного из них.

В результате многочисленных трансформаций, которые сегодня переживают семья и семейные отношения, постепенно «густеют джунгли родительских взаимоотношений: мои, твои, наши дети и связанные с этим различные урегулирования, щекотливые ситуации и конфликтные зоны для всех участников» [Бек, 2000: 149].

Значительный интерес в рамках нашего дискурса представляет данная Э. Гидденсом систематизация форм семьи. Как нуклеарные семьи, так и сложные, по отношению к рассматриваемому индивиду могут подразделяться на родительские и репродуктивные семьи. К первому типу относится семья, в которой человек рождается, ко второму – семья, которую человек образует, став взрослым, и внутри которой воспитывается новое поколение детей. Когда супружеская пара переезжает к родителям жены, семья называется матриликальной, в случае переезда к родителям мужа – патриликальной [Гидденс, 1999: 364].

Если о моногамии мы уже говорили, то отметим теперь и то, как Э. Гидденс понимает полигамные семейные отношения, которые он подразделяет на полиандрию и полигинию.

Итак, согласно Э. Гидденсу, существуют два типа полигамии: полигиния, при которой мужчина может состоять в браке одновременно более чем с одной женщиной, и менее распространенная полиандрия, при которой женщина может состоять одновременно в двух и более брачных союзах с разными мужчинами. Полиандрия порождает ситуацию, не встречающуюся при полигинии – биологический отец ребенка, как правило, неизвестен. Так, в южноиндийской культуре тодов мужья, видимо, не интересовались установлением биологического отцовства.

Согласно традиционным представлениям, долгое время господствовавшим не только в европейской социологии и науке вообще, но и в сфере обыденного знания, семья складывается из двух гетеросексуальных партнеров – мужчины и женщины, которые выполняют как генетическую, так и социальную функции, связанные

с рождением и воспитанием детей. Современные социокультурные трансформации и новые репродуктивные технологии вносят определенные изменения в эти традиционные представления.

Социокультурные, в том числе и законодательные, изменения все чаще легализуют не только гетеросексуальные, но и гомосексуальные семейные союзы. А новые репродуктивные технологии создают такие нетрадиционные ситуации, при которых генетическая мать и мать, вынашивающая плод, могут быть различными людьми, так же как могут быть различны генетическая мать и «социальная» мать; кроме того, социальным родителем ребенка может быть лишь один человек или два человека одного пола [Летов О.В., Стронгк [Летов, Стронгк, 2000: 86].

Тем не менее представитель теории функционализма, классик европейской социологии Т. Парсонс полагает, что семейные, родственные структуры обладают значительной устойчивостью по отношению к географическим и темпоральным факторам. Во все времена существует табу на инцест: сексуальные отношения и брак, по крайней мере для огромного большинства населения, внутри ядерной семьи, а часто также и внутри более широких единиц родства, допускаются только между двумя супругами, а подобные отношения с другими членами семьи запрещены.

Законы не обязательно требуют совпадения сексуальных отношений с брачными, но они никогда не исключают дискриминации в сексуальном отношении то одной, то другой стороны, вступившей в брак. «Всегда существуют различия в привилегиях на сексуальные отношения, и сексуальные отношения на стороне после вступления в брак, как правило, ограничиваются гораздо сильнее, чем до него, как в выборе партнеров, так и в условиях» [Парсонс, 2002: 244-245].

Для семьи как первичной социальной группы людей характерен ряд выполняемых функций, а также воспроизводство и изменение собственной структуры и воспроизводство/изменение ролевого

поведения своих членов. Мы знаем, что ролевое взаимодействие в семье представляет собой совокупность норм и образцов поведения одних членов семьи по отношению к другим. А некоторые авторы полагают, что подлинная социальная группа может существовать лишь в рамках семьи. Благодаря процессу массовой агрегации, подлинная группа продолжает существовать только в форме семьи; но и здесь мы уже можем различить дезинтегрирующую тенденцию, все больше ограничивающую эффективность семейной группы и определяющую ей место только в детстве или, скорее, только в младенчестве [Нойманн, 1998: 442].

Можно предположить, что трудности в отношениях между мужчиной и женщиной обусловлены, в сущности, половыми различиями. Но это не так. Отношения между мужчиной и женщиной (между мужчинами и женщинами) – это прежде всего отношения между людьми. Все, что есть хорошего в отношениях между одним человеческим существом и другим, следует считать хорошим и в отношениях между мужчиной и женщиной, и все, что плохо в отношениях между людьми, является также плохим в отношениях между мужчиной и женщиной [Фромм, 1998: 113].

Важнейшими функциями семьи являются: репродуктивная, социализации и инкультурации (воспитания), рекреации (восстановления физических и интеллектуальных способностей человека) и хозяйственная функция, заключающаяся в потреблении и производстве. Сразу оговоримся, что рассмотрение семьи как производящей структуры относится преимущественно к доиндустриальному (аграрному) типу социальной организации.

Этими функциями возможности семьи не ограничиваются, существуют и более подробные, полные классификации возможных семейных функций:

❖ воспитательная (удовлетворяет индивидуальные потребности в отцовстве и материнстве, контактах с детьми, их воспитании, самореализации в детях);

- ❖ хозяйственно-бытовая (удовлетворяет материальные потребности членов семьи – в пище, крове и т.д.);
- ❖ эмоциональная (функция удовлетворения членами семьи потребностей в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите);
- ❖ функция духовного общения (удовлетворение потребностей в совместном проведении досуга, взаимном духовном обогащении);
- ❖ первичного социального контроля, первичной социализации и инкультурации (обеспечение выполнения социальных норм членами семьи, в особенности теми, кто в силу возраста, заболевания и т.д. не обладает в достаточной степени способностью самостоятельно строить свое поведение в полном соответствии с социокультурными нормами);
- ❖ сексуально-эротическая (удовлетворение сексуально-эротических потребностей членов семьи).

Но при любых определениях и степени дробности классификаций, более или менее полно охватывающих различные семейные функции, совершенно аксиоматичным остается тот факт, что никакое общество не может существовать, не создавая особый механизм, обеспечивающий непрерывную замену выбывающих членов общества другими, рождающимися. Семья как социообразующий институт выполняла эту функцию по физическому и отчасти культурному воспроизводству новых членов общества, репродуцируя человека, обеспечивая преемственность поколений благодаря достаточно длительному процессу, известному как инкультурация и социализация подрастающего поколения.

И именно семья имеет первостепенное значение для предсознательной и надличностной психологии ребенка. Очевидно, что именно на семье лежит ответственность за воспитание у детей способности к адекватному социальному общению, поскольку

именно в рамках семьи происходит первичная социализация и инкультурация ребенка, а следовательно, и формирование личности.

Человек живет в обществе, и поэтому социальная интегрированность является чрезвычайно важным фактором его социального успеха или поражения, что определяет качество всей его жизни. Индивиду необходимо определенное умение приспосабливаться к обществу, иначе велика вероятность возникновения и развития устойчивой неспособности к адекватному социальному общению с окружающими, что постепенно ведет к изоляции, мизантропии и одиночеству. Индивидуальное развитие каждого человека начинается с его постепенной адаптации и интеграции в окружающий мир.

Мы знаем, что ребенок рождается в группе людей, среди которых уже определены практически все общие типы ситуаций, которые возникали ранее и с большой долей вероятности возникнут в будущем, развиты соответствующие этим ситуациям правила поведения. Именно в процессе социализации и инкультурации ребенок сталкивается с репрессивными механизмами культуры и социума, поэтому ему крайне сложно давать свои определения бесчисленным артефактам окружающей природной и социокультурной реальности и в полной мере следовать многообразию своих спонтанных желаний.

В рамках нашего дискурса важно отметить, что социум непосредственно и опосредованно делегирует семье эту репрессивную функцию, которая может простирается от словесного увещания с элементами диалога и объяснения до прямого физического насилия, которое в некоторых случаях приводит к гибели ребенка. Семья представляет собой авторитарное государство в миниатюре, в котором ребенок должен научиться приспосабливаться к социальным условиям. Необходимо ясно понимать, что авторитарная структура личности в основном

формируется путем погружения сексуальных запретов и страхов в живую субстанцию сексуальных импульсов [Райх, 1997: 55-56].

Традиционно считается, что семья является базовой социальной единицей и первичным посредником, через которого как данное локальное сообщество, так и общество в целом определяют поведение человека. Репрессированные культурой и социумом родители имеют устоявшуюся картину мира, «свое», т.е. внушенное обществом представление о должном и недолжном, поэтому как только ребенок овладевает свободой движений, родители и/или другие родственники начинают определять, маркировать многообразие возникающих жизненных ситуаций посредством вербальной характеристики и других элементов оценки и давления.

Как сами желания ребенка, так и его деятельность начинают сегрегироваться, конвенциональное (нормативное) в рамках данного социокультурного сообщества поощряется, а ненормативное репрессируется. В результате многоступенчатой системы репрессий и поощрений, в которую входят семьи, сверстники, локальное сообщество, продуцируемый общественными институтами поток печатной и аудиовизуальной информации, формальные наставления и неформальные знаки одобрения и порицания, растущий член общества усваивает его формальные и неформальные нормы, ценности, модели поведения.

С раннего детства человек усваивает принятые модели поведения, нормы и ценности, причем этот процесс продолжается до тех пор, пока не будет достигнут должный (типичный для данного общества) уровень адекватности и автоматизма не только действий, но и психических реакций на раздражители окружающего мира.

В определенной мере человек «воспроизводит» своих родителей, принятые ими нормы, ценности, модели поведения, и это наследование было достаточно типично в рамках традиционной семьи, существовавшей и воспроизводившейся в рамках доиндустриального типа социальной организации.

Так, великий мыслитель древности Гермес Трисмегист в дошедших до нас отрывках из своей книги «Афродита» задается вопросом о том, почему потомство либо похоже на своих родителей, либо в нем проявляются семейные черты? «Когда в момент вспенивания возвращающейся обратно крови происходит рождение потомка, случается так, что из всего тела и из его членов исходит некая сущность, соответствующая божественной энергии, поскольку возникает тот же самый человек, и, вероятно, то же самое случается с женщиной.

Итак, когда то, что истекло из мужа, преобладает и остается неприкосновенным, потомок рождается похожим на отца, а когда происходит обратное, он похож на мать. И если возникло превосходство какой-либо части тела, то ей уподобится соответствующая часть. Случается, что и в течение многих поколений потомство воспроизводит облик прародителя, если тот занимает положение декана в тот час, когда его жена зачала» [Лукомского, 2001: 327]. Это очень древнее толкование, мы привели его как одно из первых в истории человечества, естественно, среди тех, что дошли до наших дней.

Сегодня мы знаем, что ребенок входит в социум и усваивает свойственную ему культуру путем получения необходимого для этого массива знаний, норм, ценностей, образцов и навыков поведения. На выходе процессов социализации и инкультурации как локальное сообщество, так и общество в целом получает человека, адаптированного к существующим в них условиям жизни. Этот процесс отнюдь не одномоментен, и основная причина его длительности заключается в том, что общественное поведение человека не запрограммировано природой. Представитель каждого нового поколения вынужден заново обучаться тому, как понимать окружающий мир, в какой форме и с каким знаком реагировать на его многообразные проявления.

Содержательно понятия инкультурации и социализации в определенной мере пересекаются, поскольку оба подразумевают усвоение людьми культурных форм-паттернов того общества, в котором они живут. Под культурными формами-паттернами обычно понимают устойчивые совокупности технологий мышления, поведения, взаимодействия, последовательности действий, построения суждений, различные культурные формулы и символы, отражающие определенные представления о реальности.

Так же, как и в социальной культуре общества, где культурные формы играют роль кирпичиков, заключающих в себе основное функциональное и семантическое содержание культуры, из которых складываются постройки культурных систем, и в культуре личности ее ментальность (а по существу, все те же культурные нормы, формы, паттерны, только усвоенные до автоматизма воспроизводства и реализуемые в индивидуально-вариативном – чаще всего в повседневном виде) являются такими же кирпичиками, из которых складывается личностная социальная и культурная система каждого индивида в его обыденном социальном поведении.

Получая в повседневной практике информацию о самых разных сторонах общественной жизни, человек формируется как личность, социально и культурно адекватная обществу. Таким образом, под социализацией понимается адаптация индивида к социальной среде, усвоение им норм, ценностей, моделей поведения, свойственных обществу, в котором он живет.

Родители – за редкими исключениями – не только применяют шаблоны воспитания, принятые в их обществе, но и собственной личностью представляют социальный характер своего общества или класса. Они передают ребенку то, что можно назвать психологической атмосферой, духом общества; передают уже одним тем, что они таковы, каковы они есть, они – представители этого духа. Таким образом, семью можно считать психологическим агентом общества.

В процессе усвоения индивидом культурных норм и социальных ролей происходит превращение человека в социального индивида, и семья играет в этом не меньшую роль, чем макросоциальные институты, семья играет культуротворческую роль. Позволим себе привести оценку роли семьи, которую дает российский культуролог А.Я. Флиер.

Он полагает, что семья должна рассматриваться не только как первичная социально-хозяйственная ячейка общества, но в первую очередь как субкультурная система, ибо обладает определенной спецификой жизненного уклада, образа жизни, оценочных и интерпретативных установок по любым вопросам, но – главное – именно в семье, как правило, происходит первичная социализация и инкультурация следующего поколения, и поэтому семья как культуротворческий институт играет роль, не уступающую по значимости школе и вузам [Флиер, 2000: 158].

В отличие от социализации инкультурация представляет собой обучение человека традициям, нормам, ценностям, моделям стереотипного поведения, принятыми в данной культуре. Обычно выделяют две основные стадии инкультурации – начальную (первичную), охватывающую периоды детства и юности, и взрослую (вторичную), охватывающую период зрелости.

Известный французский социолог П. Бурдьё отмечает, что люди часто придают непропорционально большое значение раннему опыту, тому, что мы обозначили как первичная стадия социализации/инкультурации. Проявляется инерционный эффект, для которого характерна пролонгация стереотипизированного поведения людей, пытающихся использовать адаптационные модели поведения, которые были достаточно эффективны в прошлом, но потеряли свою эффективность в новых условиях развития общества и культуры.

Первичная стадия этого процесса начинается с рождения ребенка и продолжается до окончания подросткового возраста. Она

представляет собой процесс воспитания и обучения детей. Т. Парсонс замечает, что со времени еще дочеловеческих стадий развития сохранился очень важный эталон – возложение почти всего ухода за ребенком в самом раннем его возрасте на мать. Это обстоятельство, а также неспособность женщины к работе в период беременности и то, что способы кормления грудных детей, лишившихся материнского питания, распространились только в самое последнее время, лежит в основе дифференциации ролей, связанных с полом [Парсонс, 2002: 246].

В период раннего детства человек усваивает важнейшие начальные элементы культуры. По мнению известного американского культурного антрополога М. Херсковица, ребенок хотя и не является пассивным субъектом инкультурации, но выступает здесь скорее как объект, нежели как взаимовлияющий субъект.

Мы знаем, что феномен детства рассматривается преимущественно в рамках субдисциплин (социология семьи, образования, здоровья и т.п.). При этом доминирующая в социальных науках модель социализации акцентирует роль внешних факторов, приобщающих детей к миру взрослых (семья, школа, макросоциальные структуры), тогда как собственно дети – в качестве самостоятельных и самодостаточных «единиц бытия» – практически не принимаются в расчет. В итоге детство неизбежно рассматривается как явление со знаком минус – недостаточная компетентность, незрелость, отсутствие навыков, необходимых в мире взрослых.

В социальных науках сложился стереотип толкования детства как стадии «становления взрослым» – безотносительно к социальной значимости и качественной специфике этой области социального бытия как таковой [Холлоуэй С., Валентайн, 2002: 106]. Взрослые, применяя систему наказаний и поощрения, ограничивают его возможность выбора или оценки. Кроме того, дети не способны к

сознательной оценке норм и правил поведения, они усваивают их некритично, дети вынуждены выполнять правила того мира, в котором они живут, и эти правила становятся правилами преимущественно в рамках семьи, усваиваясь в процессе повседневного общения с родителями и другими родственниками.

Но в то же время сегодня отношения между родителями и детьми в процессе первичной социализации и инкультурации – это, при всех возможных оговорках, объектно-объектные отношения. Ребенок воспринимается теперь как личность, обладающая статусом, определенной направленностью действий, совокупностью потребностей и различий, т.е. «как социальный актер... этот новый феномен – “ребенок как бытие” – может и должен пониматься, исходя из него самого; к нему не следует подходить с заранее заготовленными представлениями о недостатке компетентности, рациональности или значения» [Холлоуэй С., Валентайн, 2002: 106].

В контексте нашего дискурса важным представляется способность детей к критическому отношению по отношению к сугубо рационалистическому взгляду на разум, предполагающему существование единственной идеальной формы разума – рационалистического *logistikona* платоновско-аристотелевской традиции, в интерпретации современной европейской философии.

Западный разум симметричен социополитике патриархального индоевропейского класса воинов, основанной на доминировании с помощью разделения и исключения. В подобной политике женщины, дети и подчиненные социальные группы считаются носителями иррационализма, похотливости, моральной порочности и чрезмерной эмоциональности [Кеннеди, 2001: 122]. Иными словами, каждое новое поколение воспроизводит и интерпретирует актуальную часть социокультурной традиции, привнося в нее инновационные элементы.

Первичная семейная социализация и инкультурация способствуют сохранению и воспроизводству национальной социокультурной

традиции, поскольку этот процесс заключается в воспроизводстве наличных социокультурных образцов. Таким образом, именно начальный этап социализации/инкультурации индивида происходящий, как правило, в рамках семьи, является наиболее важным для адаптации человека к окружающему миру.

Тем не менее следует помнить, что в истории человеческой мысли и социокультурной практике семью далеко не всегда рассматривали как предпочтительное, или просто приемлемое место для воспитания (социализации и инкультурации) подрастающего поколения. Здесь можно вспомнить социокультурную практику греческой Спарты в воспитании спартанцев, утопические работы социалистов/коммунистов и многое другое. Иными словами, попытки оторвать человека от семьи, свести ее роль в процессе социализации и инкультурации человека к минимуму, переложить всю ее тяжесть на государственные институты, фаланги, серии имеет древнюю историю.

Свидетельства тому вполне многочисленны и репрезентативны, но мы приведем лишь небольшой отрывок из работы Ш. Фурье «Теория четырех движений и всеобщих судеб». Итак, в семейном быту дети «заняты лишь тем, что режут, ломают, ссорятся и отказываются от всякой работы, и что те же дети, будучи введены в прогрессивные серии, или серии групп, заняты там только производительным трудом, без всякого внешнего побуждения соперничают в соревновании, что они вполне по собственному своему желанию обучаются земледельческим работам, промышленному труду, наукам и искусствам; что они создают продукцию и дают доходы, в то же время полагая, что развлекаются. Когда отцы увидят этот новый порядок, они найдут, что их дети достойны обожания в сериях и отвратительны в бессвязных семьях» [Фурье, 1982: 255].

В послереволюционной Советской России 20-х годов прошлого века жена одного из большевистских лидеров Зиновьева, служащая

Наркомпроса Злата Лилина, утверждала, что детям пойдет только на пользу, если их отнять у родителей. Не является ли родительская любовь в большей своей части любовью, идущей во вред ребенку?.. Семья индивидуальна и эгоистична, и дитя, воспитываемое ею, по большей части антисоциально, преисполнено эгоистических стремлений... Дело воспитания детей не частное дело родителей, а дело общественное. На советской Украине, пошедшей в этом направлении еще дальше, планировалось детей в возрасте 4 лет отнимать у родителей и помещать в интернаты, где бы им прививалась любовь к социалистическим идеалам. Подобным намерениям не суждено было сбыться из-за нехватки средств и персонала [Пайпс, 1997: 398].

Мнение З. Лилиной было далеко не единичным; в определенной мере выражало главенствующую линию, которую отстаивало большинство партийного и советского руководства постреволюционного государства. Так, в резолюции по социальному воспитанию детей партийного совещания по вопросам народного просвещения, принятой в 1920 г. социальной комиссией ВЦСПС отдельным пунктом, признается прогрессирующий процесс распада семьи. В резолюции утверждалось, что «формой, наиболее отвечающей цели социального воспитания детей, должен быть теперь признан Детский дом, который охватывает полностью жизнь, воспитание и обучение ребенка в обстановке детской, общественной, без разлагающего влияния индивидуалистической семьи» [Киселева, 2002: 180].

С процессом вторичной социализации и инкультурации уже взрослого человека тоже все обстоит не так просто. Тоталитарные режимы XX века стремились к весьма своеобразной ресоциализации индивида. Так, Бруно Беттельгейм отмечает сознательную и упорную ориентацию СС в нацистских лагерях на воспитание у заключенных детских качеств. Подданный должен быть постоянно унижен и беспомощен, должен по-холопски просить и по-холопски

благодарить садистов-благодетелей. Распластанный ниц и беспредельно униженный мазохист – вот кто им нужен. Если взрослые подвергнуты ресоциализации «по-детски» и получили младенческий комплекс зависимости от «няньки-воспитателя», то в случае отсутствия «няньки» их ожидает страшная участь.

Лишенные административного «протеза», они оказываются неспособными стоять на своих собственных ногах, то есть жить своим умом и руководствоваться собственной волей. Лишенное пастухов, стадо овец обречено на гибель [Стариков, 1996: 218]. Мы хорошо знаем по многочисленным историческим примерам, относящимся к разным странам и эпохам, что когда столь же жесткими, как в национал-социалистической Германии, когда более мягкими средствами авторитарная власть воспитывала зависимого и подчиненного человека.

Тем не менее с развитием модернизационных процессов проективная и достигательная личность постепенно вытесняет на социальную периферию, в маргинальную область индивида, поведение и принятия решений которого в основном определяется системой внешнего контроля. Личность, обладающая значимым самоконтролем, характерна для общества модерна, человек, для которого естественно принимать решения под влиянием преимущественно внешнего источника контроля, обычен в традиционном обществе, в том числе и советском, как переходной формы к обществу модерна. Самоконтроль, готовность ввести свое поведение в рациональные, законные рамки – необходимое условие функционирования и воспроизводства гражданского общества.

Но более подробно говорить об этой проблематике мы будем в наших следующих параграфах, а сейчас вернемся к некоторым особенностям семьи как социокультурного феномена.

Мы полагаем, что с социологической точки зрения основной интерес представляет не физический возраст индивида, а восприятие социально конструируемых категорий возраста: «молодой», «человек

среднего возраста», «пожилой» и т.д. Так, в модели социального психолога Э. Эриксона жизненный цикл человека состоит из восьми стадий. На каждой стадии в жизни индивида возникает специфический кризис, а переход от одной стадии к другой происходит в результате преодоления этого кризиса. Первые четыре стадии приходятся на детство.

Пятая стадия – юность – связана с выбором профессии, поиском подходящей работы, выбором спутника жизни. На шестой стадии (начало взрослого периода) основное значение приобретают ухаживание и брак. Дальнейшее развитие индивида определяет разрешение конфликта между интимностью и одиночеством. На седьмой стадии (средний возраст) человек осваивает определенную деятельность и родительские функции, а на восьмой стадии (старость) подводит итоги своей жизни, переосмысливает и переоценивает ее основные события [Смелзер, 1994: 110-111].

Представим также классификацию жизненных циклов человека, предложенную А. ван Геннепом. Человек в своей жизни последовательно проходит некие этапы, и окончание одного этапа и начало другого образуют системы единого порядка. Таковыми являются: рождение, достижение социальной зрелости, брак, отцовство, повышение общественного положения, профессиональная специализация, смерть [Хренов, 2002: 119].

Так, известный американский социолог М. Цейтлин утверждает, что классы «конституируются свободными браками» представителей семей, занимающих различное положение в системе общественного производства и отношений собственности, но имеющих сходные экономические возможности, социальные интересы и обладающих определенной «психологической совместимостью». В то же время О. Конт полагал, что семья занимает скорее промежуточное положение между обществом и индивидом. Между обществом и индивидом

находится семья, которая представляет собой «истинное единство» в отличие от самого общества, которое выступает как «внешняя», принудительная сила [Давыдов, 1997: 67].

Рассматривая семью как социоконструирующую микросоциальную группу, следует учитывать, что в своем темпоральном и социокультурном развитии семья проходит несколько этапов, из которых складывается ее жизненный цикл.

Выделяется различное число фаз этого цикла. Это образование семьи – вступление в первый брак; начало деторождения – рождение первого ребенка; окончание деторождения – рождение последнего ребенка; «пустое гнездо» – вступление в брак и выделение из семьи последнего ребенка; прекращение существования семьи – смерть одного из супругов.

Жизненный цикл также называют моделью развития семьи, которая исследуется по шкале возраста супругов (или одного из них). Жизненный цикл семьи раньше начинается в Индии (средний возраст женщины при этом 14,6 лет), так же как и кончается. Пример США показывает зависимость развитости общества и увеличения жизненного цикла семьи.

С точки зрения потребления товаров и услуг, что относится к потребительской функции семьи, в ее жизненном цикле выделяют четыре основных этапа жизни.

❖ Этап I – этап холостой жизни. На этом этапе человеку свойствен повышенный интерес к моде, приобретению мебели, автомобилей, путешествиям как по территории страны, так и за ее пределами.

❖ Этап II – молодожены без детей, начальная фаза существования семьи. Возрастает интенсивность приобретений, в том числе и в кредит, что в полной мере относится и к товарам длительного пользования.

❖ Этап III – условно обозначаемый как «полное гнездо». На этом этапе появление детей ведет к росту расходов, когда

приобретаются товары длительного пользования и товары для детей. Несмотря на ухудшение финансового положения в связи с многочисленными крупными тратами семья приобретает жилье (как правило, в рассрочку). По мере роста благосостояния приобретается все больше товаров, которые не являются предметами первой необходимости.

❖ Этап IV – условно обозначаемый как «пустое гнездо». Дети выросли и живут отдельно. Но пока глава семьи работает, большинство семей довольны своим финансовым положением. Растет интерес к путешествиям, покупкам предметов роскоши. Однако после выхода на пенсию доходы семьи резко падают. С увеличением возраста членов семьи экспонентно растет спрос на медицинские товары и услуги [Котлер, 1995: 156].

Теперь несколько слов о других функциях семьи. Хозяйственно-потребительская функция семьи охватывает различные аспекты семейных отношений. Это ведение домашнего хозяйства, соблюдение домашнего бюджета, управление семьей, проблема женского труда... Более подробно мы рассмотрим эту важную функцию семьи в рамках третьей главы нашего исследования, где речь пойдет об особенностях семейного хозяйства в России.

Рассмотрев основные представления, связанные с понятием семьи и семейных отношений, мы можем перейти к вопросу об их эволюции в историческом и социокультурном контексте с учетом культурно-цивилизационной специфики.

Подчеркнем при этом, что исторические, политические, социологические и экономические аспекты данной проблемы будут интересовать нас преимущественно в контексте иллюстрирования, пояснения и дополнения социологического и философско-культурного ракурса трансформации семьи и семейных отношений как части длительного исторического мегапроцесса по освобождению человека из природного и социального окружения, преобладания интересов формирующейся личности над интересами

общества в любых его проявлениях. Такова общая схема; как эта схема проявляется в истории, мы рассмотрим в наших следующих параграфах.

- [1] Baláž, I. 2005. *Problémy masmediálnej etiky*, In: Viera a Život, Trnava: Dobrá kniha, Roč. XV., č.: 3.
- [2] Gołoś, M. 2009. *Tożsamość narodowa czy europejska – problem współczesnej Europy*, w: *Białoruś, Mołdawia i Ukraina wobec wyzwań współczesnego świata*, red. T. Kapuśniak, K. Fedorowicz, M. Gołoś, Lublin.
- [3] Nowakowski, Z. 2001. *Niepubliczna wyższa szkoła zawodowa w systemie wolnorynkowym*, Zeszyty Naukowe WSZiA, Warszawa.
- [4] Sirojć, Z. 2004. *Wpływ procesu integracji z Unią Europejską na zarządzanie zasobami ludzkimi w administracji państwowej*, Zarządzanie Zasobami Ludzkimi, nr 2.
- [5] Wawrzonkiewicz, A. 2005. *O pojęciu wartości w ujęciu interdyscyplinarnym*, in : *Filozofia bliższa życiu*, Warszawa.
- [6] Бек, У. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну*, Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция.
- [7] Бек, У. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну*, Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция.
- [8] Бенхабиб, С. 2003. *Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру* / Пер. с англ.; Под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос.
- [9] *Высокий герметизм* / Пер. с древнегреч. и лат. Л.Ю. Лукомского. СПб.: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001. С. 327.
- [10] Гидденс, Э. 1999. *Социология*, Пер. с англ. В. Малашенко, Е. Крюкова и др.; Научн. ред. В.А. Ядов. М.: Эдиториал УРСС.
- [11] Гидденс, Э. 1999. *Социология*, Пер. с англ. В. Малашенко, Е. Крюкова и др.; Научн. ред. В.А. Ядов. М.: Эдиториал УРСС.
- [12] Голось, М. 2008. *Громадянські добродійства*, в: *Сучасна сім'я і проблеми сімейного виховання*, Могилев.
- [13] Голось, М. 2008. *Шлях до рівності жінки в Європейському Союзі*, в: *Молодіжна політика: проблеми і перспективи*, Львів-Дрогобич.
- [14] История теоретической социологии: В 4 т. Т. 3 / Ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. М.: Канон, 1997.

- [15] Кеннеди, Д. 2001. *Философия для детей и реконструкция философии*, in: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.3, Философия: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отдел философии. М. №4.
- [16] Киселева, Т.Г. 2002. *Женский образ в социокультурной рефлексии*: Монография. – М.: МГУКИ.
- [17] Кожев, А. 2003. *Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе*, Подборка и публикация Реймона Кено; Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука.
- [18] Кожев, А. 2003. *Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе*, Подборка и публикация Реймона Кено; Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука.
- [19] Котлер, Ф. 1995. *Основы маркетинга*: Пер. с англ. М.: Бизнес-книга.
- [20] Кули, Ч. 1996. *Первичные группы*. Американская социологическая мысль: Тексты, Под ред. В.И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления.
- [21] Летов, О.В., Стронгк, К. 2000. *Этические вопросы репродуктивной медицины: новые концепции* // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отдел философии. М.: РАН ИНИОН.
- [22] Морган, Л.Г. 1903. *Древнее общество*. СПб.: Просвещение.
- [23] Нойманн, Э. 1998. *Происхождение и развитие сознания* / Пер. с англ. А.П. Хомик. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер.
- [24] Пайпс, Р. 1997. *Россия при большевиках* / Пер. с англ. Н.И. Кигай, М.Д. Тименчика. М.: РОССПЭН.
- [25] Парсонс, Т. 2002. *Социальная система*, in: О социальных системах / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой, Г. Беляевой, В. Герчикова, Н. Осиповой; Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект.
- [26] Парсонс, Т. 2002. *Социальная система*, О социальных системах / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой, Г. Беляевой, В. Герчикова, Н. Осиповой; Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект.
- [27] Райх, В. 1997. *Психология масс и фашизм* / Пер. с нем. Ю.М. Донец. СПб: Университетская книга; М.: АСТ.
- [28] Сломский В. 2006. *Историко-Философское Эссе*, Minsk.

- [29] Сломский, В. 2006. *Историко-Философское Эссе*, Minsk.
- [30] Смелзер, Н. 1994. Социология: Пер. с англ. М.: Феникс.
- [31] Стариков, Е.Н. 1996. *Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф.*
- [32] Флиер, А.Я. 2000. *Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии.* М.: Академический Проект.
- [33] Фромм, Э. 1998. *Мужчина и женщина, Мужчина и женщина / Пер. с нем. Т.В. Банкетовой, С.В. Карпушиной; Сост.: П.С. Гуревич, С.Я. Левит.* М.: АСТ.
- [34] Фрэзер, Д.Д. 1986. *Золотая ветвь: Исследование магии и религии*, Пер. с англ. М.К. Рыклина. 2-е изд. М.: Политиздат.
- [35] Фурье, Ш. 1982. *Теория четырех движений и всеобщих судеб*, in: Утопический социализм: Хрестоматия / Общ. Ред. А.И. Володина. М.: Политиздат.
- [36] Холлоуэй, С., Валентайн, Дж. 2002. *Пространство и детство: Новые направления социальных исследований*, Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11, Социология: РЖ/ РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М. № 3.
- [37] Хренов, Н.А. 2002. *Культура в эпоху социального хаоса.* М.: Едиториал УРСС.
- [38] Ямпольский, М. 2004. *Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима.* М.: Новое литературное обозрение.